

Вина за чужой порок

Сексуальная раскрепощенность появилась в русской культуре в начале XX века, но ненадолго.

или прислуги

Иван Крамской (1837–1887).
«Неизвестная» (1883). На этой картине, часто украшавшей крышку шоколадных конфет в советское время, изображена проститутка, вернее, камелия — высший ранг женщин свободного поведения. Камелии отдавали себя на содержание богатым любовникам. Бывало, к ним переходило немалое состояние их обожателей. На полотне видно, что левое место в коляске свободно — это был знак «ищу партнера-спонсора», приличные дамы так никогда не ездили: место рядом предназначалось для мужа

В одном из очерков о Блоке (1880–1921) Максим Горький (1868–1936) приводит записанный им рассказ проститутки о забавном эпизоде, случившемся с поэтом в одном из номеров дома свиданий на Караванной улице в Петербурге.

Как-то осенью, очень поздно и, знаете, слякоть, туман [...] на углу Итальянской меня пригласил прилично одетый, красивый такой, очень гордое лицо, я даже подумала: иностранец [...] Пришли, я попросила чаю; позвонил он, а слуга — не идет, тогда он сам пошел в коридор, а я так, знаете, устала, озябла и заснула, сидя на диване. Потом вдруг проснулась, вижу: он сидит рядом [...] «Ах, извините, говорю, я сейчас разденусь». А он улыбнулся вежливо и отвечает: «Не надо, не беспокойтесь». Пересел на диван ко мне, посадил меня на колени и говорит, глядя волосы: «Ну, подремлите ещё!» И — представьте же себе! — я опять заснула, — скандал! Понимаю, конечно, что это нехорошо, но — не могу! Он так нежно покачивает меня, и так уютно с ним, открою глаза, улыбнусь, и он улыбнется. Кажется, я даже и совсем спала, когда он встряхнул меня осторожно и сказал: «Ну, прощайте, мне надо идти». И кладет на стол двадцать пять рублей. «Послушайте, говорю, как же это?» Конечно, очень сконфузилась, извиняюсь [...] А он засмеялся тихонько, пожал мне руку и — даже поцеловал.

Блуд за бесплатно

На наш взгляд этот рассказ очень точно передает одну из черт русской культуры — её некоторую, по сравнению с цивилизацией Запада, асексуальность. Вот и здесь барышня не проявила себя как женщина. И ей за это платят, платят не женщине, а человеку — страдающему человеку без половой принадлежности. Согласитесь, что во Франции или Германии такой эпизод вряд ли был возможен. Одним из проявлений этой особенности нашей системы ценностей было долгое отсутствие в России публичных домов. В отличие от Европы мы не унаследовали античной сексуальной культуры, принципы которой могли бы успешно конкурировать с христианскими этическими нормами: до начала XVIII века в России церковные суды все еще рассматривали дела о «половых преступлениях». Так, по церковным нормам во время соития допускалась

только миссионерская поза, когда мужчина находился сверху. Поза «женщина сверху» наказывалась покаянием от трех до десяти лет. Поза «мужчина сзади» называлась скотским блудом и могла караться отлучением от церкви.

До середины XVII века у нас нет никаких свидетельств о наличии в Московии домов терпимости. Нет, разврат в смысле внебрачных связей, конечно, был, и он осуждается в «Домострое», но о продажном разврате говорить приходится очень осторожно. Безусловно, некоторое количество тайных публичных домов существовало при кабаках. Однако плотская любовь здесь обычно ограничивалась грубым пьяным совокуплением на заднем дворе. Ни о каком эротизме, аналогичном, например, эротизму эпохи Возрождения, говорить не приходится.

Николаус Кнүпфер (Nicolaus Knüpfer, 1603–1660). «Сцена в борделе» (1630-е). Россия не знала ничего подобного до XIX века, зато потом снять бланковую проститутку можно было в большинстве ресторанов и кафе крупных городов. В очерке «Квисисана» (1910) публицист Юрий Ангаров так описывал одно из них: «Безобразное зрелище! Тут и там рябит глаза масса пестрых тканей, боа, жакеток, лент, громадных шляп. Цинизм поз, жестов, разговоров не поддаются описанию [...] Целуются, обнимаются, дают женщинам грудь...»

От кабака до борделя

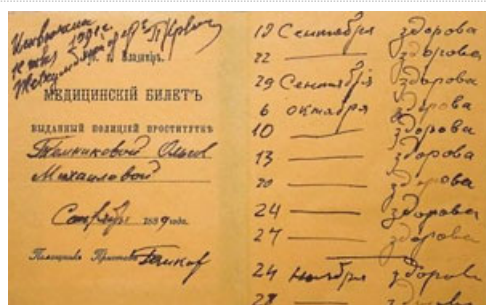
О наличии в России проституток мы точно знаем только с момента, когда с ними начинает бороться государство. В 1649 году царь Алексей Михайлович (1629–1676) издал указ, предписывающий объездчикам следить за тем, чтобы на «улицах и в переулках бляди не было». Из указа Петра II (1715–1730) 1728 года нам известно, что в Петербурге уже имелись тайные публичные дома. Однако мы не знаем, насколько они отличались от старых кабаков. О первом же аристократическом борделе рассказывает дело 1753 года, возбужденное против содержательницы тайного притона — некой немки из Дрездена, обосновавшейся в Петербурге. Работницы заведения были иностранками.

Однако эти и последующие попытки государства бороться с проституцией особого успеха не имели, и власть изменила тактику. Теперь задачей ставилось взять проституцию под государственный контроль, в первую очередь для того, чтобы остановить распространение сифилиса и других венерических заболеваний. Завершились эти старания изданием указа 1843 года, узаконивавшего проституцию. С этого момента полиция стала выдавать разрешения для открытия легальных публичных домов, находящихся под медицинским государственным контролем. Начался «золотой век» российской проституции, продлившийся до 1917 года и, безусловно, повлиявший на формирование русской сексуальной культуры, но так и не успевший помочь ей выйти за рамки подросткового романтизма.

В России было две основных категории проституток: билетные и бланковые. К ним относились жрицы любви, зарегистрированные в полиции. Первые жили в публичных домах и были обязаны два раза в неделю проходить довольно унижительную процедуру врачебного осмотра на предмет выявления венерических болезней. Паспортов у них не было: его приходилось оставлять в полиции, получая вместо него «желтый билет» — единственный документ, удостоверяющий их личность и подтверждающий право на занятие своей профессией. Поменять его снова на паспорт не разрешалось. «Безбилетных» проституток наказывали штрафами.

Происхождение названия «желтый билет» не вполне ясно. Бумага-то была белой, но, вероятно, низкого качества и быстро желтела. Другая версия вспоминает указ Павла I (1754–1801), предписывавший всем проституткам ходить в желтых платьях. Правда, из-за гибели императора указ исполнен не был.

Бланковые проститутки отличались от билетных наличием съемной квартиры и относительной свободы передвижения под контролем сутенеров, заменявших девушкам хозяек публичных домов. Выдаваемое им удостоверение личности — «бланк» — походило на «желтый билет», но разрешало его обладательницам искать клиентов на городских улицах и являться на медосмотр только один раз в неделю. Согласно переписи 1889 года, на территории России свои услуги предлагали 1216 домов терпимости, в которых проживали 7840 проституток. Бланковых было больше — 9763. Всего — 17603 поднадзорных девиц легкого поведения.

Тот самый «желтый билет». «И веют древними поверьями/Её упругие шелка/И шляпа с траурными перьями/И в кольцах узкая рука...» (А. Блок. «Незнакомка»). Художник Юрий Анненков (1889–1974) пишет в воспоминаниях: «Студенты знали блоковскую «Незнакомку» наизусть [...] Две девочки от одной хозяйки с Подъяческой улицы, Сонька и Лайка, одетые как сестры, блуждали по Невскому, прикрепив к своим шляпам черные страусовые перья. "Мы пара Незнакомок, — улыбались они, — можете получить электрический сон наяву. Жалеть не станете, миленький-усатенький (или хорошенький-бритенький, или огурчик с бородкой)..."»

Бордельные страхи

Ряды женщин свободной профессии пополнялись главным образом из двух источников — крестьянства (47% от общего количества проституток) и мещанства (36%). Последние в прошлом были, как правило, горничными, швеями, портнихами, иногда фабричными работницами. Большинство из них попадало в любовные дома во время поиска работы. Специальные агенты выслеживали их и, красочно обрисовав беззаботные условия жизни свободных женщин, превращали доверившихся в живой товар. Однако, согласно статистике, общее число завербованных в дома терпимости было незначительно по сравнению с общим числом крестьянок и мещанок, нашедших себе более уважаемый способ заработать на жизнь. Этот вопрос заставляет задуматься о психологических особенностях женщин, посвятивших свою жизнь служению Приапу.

Опираясь на наблюдения современных и дореволюционных психологов, с известной долей вероятности можно сказать, что одно из базовых чувств женщины, решившейся стать проституткой — это тревожность, которая в основном формируется от полного отсутствия эмоциональных контактов с родителями в раннем возрасте. Тревожность проституток бывает двух свойств, которые часто сплетаются воедино, — боязнь материальной нужды и боязнь не понравиться мужчинам. Вследствие этого они подвержены приступам депрессии, сопровождающимся переживанием чувства собственной неполноценности и восприятием себя как существа зависимого, незначительного и даже ничтожного.

При этом духовный мир проституток очень беден — они не читают и не ходят в театр (речь идет о XIX веке), их личность остается незрелой, что иногда принимают за детскую непосредственность. По этой причине желание девиц легкого поведения обрести прочный социальный статус зачастую замыкается исключительно на желание вести красивую жизнь, свободно распоряжаясь деньгами. В XIX веке духовную пищу проституткам заменяли «романы» с завсегдатаями их покоев или с кем-то из обслуги, а, может, и с одной из подруг по заведению. Ведь они почти все время сидели взаперти: действовал запрет «желтого билета», лишивший их права свободно выходить в город. Однако все эти привязанности были мимолетны: в год проститутка сменяла два-три публичных дома. Это было правилом для всей сети домов терпимости: у клиента не должно было возникнуть чувства пресыщенности её работницами.

Но базовая тревожность — это лишь один из факторов, отправляющих женщину на панель. Второй — это сексуальное безразличие. Оно, как правило, формируется у ребенка, рано понявшего, что такое половая любовь. А надо сказать, что во многих крестьянских семьях половые отношения родителей и не скрывались. Так что если отец и мать были излишне экспрессивны или грубы в своей половой жизни, ребенок оказывался в группе риска.

Третий, и самый важный фактор, — это десоматизация, деперсонализация собственного тела, природная особенность склада характера. Десоматизированный человек подсознательно ощущает свою плоть как что-то

чуждое, изолированное от собственного Я, которым можно свободно манипулировать. Именно этим объясняется поразительно беспечное отношение проституток к венерическим заболеваниям, возможности быть избитыми и даже убитыми. Все это воспринимается как издержки их ремесла.

Всем, надеюсь, понятно, что большинство женщин, имеющих описанные выше психологические особенности, проститутками не становятся, для этого должен быть и некий сопутствующий фактор, отправляющий их на панель: нужда, разочарование в жизни и т. п.

Сонечка Мармеладова — 50 копеек

Публичные дома делились на три категории. В первой час любовных утех стоил от 3 до 5 рублей. Ночь — от 10 до 25 рублей. В домах второй категории — 1–2 и 2–5 рублей соответственно. Сюда приходили студенты, чиновники, младшие офицеры и люди свободных профессий. Притоны третьего класса были самыми дешевыми и предназначались для фабричных и разнорабочих: за час здесь оставляли 30–50 копеек, за ночь 1–2 рубля.

Серебряный рубль XIX века по своей покупательной способности примерно равен современной тысяче. Как ни странно, но сегодняшние цены на проституток по вызову, которых можно по статусу сравнить с обитательницами борделей, почти совпадают с расценками столетней давности.

Рабочий день в публичных домах начинался с пяти часов вечера. Все принимались за прихорашивание: белила, румяна, сурьма... Все это щедро накладывалось на лицо, зачастую превращая девицу в матрешку — сказывалось деревенское представление о красоте — «что красно, то красиво». Предплечья некоторых украшали татуировки: сердце со стрелой, голубки, инициалы любовников или любовниц. Татуировки наносились и на интимных частях тела, но их вид, по словам врачей, досматривавших обитательниц публичного дома, был «бессовестно циничен».

В крупных городах хозяева борделей стремились расположить свои заведения рядом с центром, так, чтобы потенциальный клиент мог без труда до них добраться и не быть перехваченным уличными проститутками. Но и не в самом центре, чтобы не мозолить глаза властям. В провинции, напротив, кварталы красных фонарей выносились на окраины.

Встречала зашедших клиентов мадам — держательница дома. Посетителя отводили в залу, где он мог выбрать себе понравившуюся барышню. Обычно они ожидали его *topless*. В дорогих домах они раздевались полностью. Подавляющее большинство борделей были небольшими — 3–5 барышень, в крупных городах — 7–10. Не слишком был велик и век самого борделя — 5–10 лет. Хотя существовали и более старые, но таких было немного.

Москва. Дом на углу Плотникова переулка. Его барельефы изображают русских писателей, влекомых жрицами любви. Но если в отношении Пушкина (1799–1837) сюжет выглядит вполне естественным, то как сюда попали Лев Толстой (1828–1910) и Гоголь (1809–1852) — загадка. Оба были высокими и

искренними моралистами. Так, герой «Крейцеровой сонаты» Толстого вспоминает о своем посещении борделя: «Помню, мне тотчас же, там же, не выходя из комнаты, сделалось грустно, грустно, так что хотелось плакать, плакать о гибели своей невинности, о навеки погубленном отношении к женщине. Да-с, естественное, простое отношение к женщине было погублено навеки. Чистого отношения к женщине уж у меня с тех пор не было и не могло быть. Я стал тем, что называют блудником».

Ох, нелегкая это работа...

Класс борделя зависел от уровня сервиса: число дам «в соку» (от 18 до 22 лет), наличие «экзотики» («грузинских княжон», «маркиз времен Людовика XIV», «турчанок» и т. п.), а также сексуальными изысками. Само собой, отличались и мебель, и женские наряды, вина и закуски. В борделях первой категории комнаты

утопали в шелках, а на работницах сверкали кольца и браслеты, в публичных домах третьего разряда на кровати был лишь соломенный матрас, жесткая подушка и застиранное одеяло.

По словам доктора Ильи Конкаровича (1874—?), занимавшегося в XIX веке исследованием проституции, в дорогих домах проститутки «своими хозяйками принуждаются к самому утонченному и противоестественному разврату, для каковой цели в самых шикарных из таких домов даже устроены бывают особые приспособления, дорого стоящие, но тем не менее всегда находящие себе покупателей. Существуют дома, культивирующие у себя какой-то один вид извращенного разврата и приобретшие себе своей специальностью широкую известность». Эти бордели предназначались для небольшого числа состоятельных постоянных клиентов.

Об одной из затей дорогих домов терпимости есть возможность рассказать подробнее. Речь идет о комнатах, отделанных зеркалами. Туда собиралось несколько пар, зажигали спиртовые светильники, и начиналась попойка. Через некоторое время куртизанки принимались танцевать и раздеваться... в конце концов, все кончалось оргией, многократно отраженной в зеркалах при дрожащем свете спиртовок. Говорят, «аттракцион» пользовался популярностью.

Суточная «норма» проституток в борделях первой категории составляла 5–6 человек в день. Второй категории — 10–12 и низшей — до 20 (!) человек. Таким образом, «средняя» проститутка зарабатывала в месяц до 1000 рублей. Но 3/4 из них она отдавала мадам, у которой находилась на полном пансионе. Однако даже при этом заработок в 250 рублей был очень немал (бланковая проститутка зарабатывала в два раза меньше и тоже делилась с сутенером). Для сравнения, прислуга получала 12 рублей, работница текстильной фабрики — 20 рублей, рабочий высшей категории — 100 рублей, а младший офицер — 120 рублей. Конечно, проститутки с их психологическими особенностями и не думали оставлять свою профессию, покуда была высока грудь.

Однако такое более или менее безбедное существование посылалось им на довольно короткий срок. Венерические болезни, алкоголь и возраст были их губительными спутниками. По статистике врачебных комитетов, в конце XIX века как минимум 50% проституток были больны сифилисом, который из-за отсутствия антибиотиков был неизлечим, хотя врачи умели тормозить его развитие. Почти никто не мог миновать этой заразы. Рано или поздно болезнь приводила свою хозяйку на больничную койку, а оттуда была одна дорога — в трущобы, доживать свой недолгий век. Удивительно, почему медицина того времени не признала необходимость использования презервативов, которые уже существовали и назывались кондомами.

Раннему старению проституток способствовал и алкоголь. Особенно были к нему пристрастны бывшие крестьянки, большинство из которых через 10 лет работы превращались в алкоголичек. Их статус понижался, из борделей высшей категории они переходили в более низкие и в конце концов погибали, вышвырнутые на улицу.

Традиция вешать красные фонари на фасаде борделя идет еще с античных времен, только тогда вместо фонаря висел красный фаллос. По мнению все того же Юрия Ангарова, красными фонарями должен был быть освещен весь Невский проспект. Вечерами там «идут целые толпы праздного, склонного к разврату народа. Флиртующие девицы [...], петербургские Ньюши, желающие выгодно устроиться на содержании [...], дамы в трауре — симулянты. Одним они говорят, что умер у них муж; другим лгут, что лишились жениха, а потом едут в ресторан».

Что ж, а теперь вернемся к разговору об асексуальности русской культуры, начатому нами в первых абзацах. Взгляд русских посетителей публичных домов на его обитателей был кардинально отличен от европейского. Так, французский бонвиван смотрел на куртизанок как на рабынь, которые обязаны сделать для покупателя все, что потребует его изощренная сексуальная фантазия. В России любители сексуальных изысков в процентном отношении ко всем посетителям борделей встречались не очень часто. Более того, в глазах основной бордельной клиентуры — студентов и офицеров, посещавших проституток в первую очередь по «природной нужде», — изощренность сладострастия представлялась чем-то низким. Так, например, известно письмо Чехова (1860–1904), завсегдатая домов терпимости, в котором он очень раздраженно охарактеризовал творчество Эмиля Золя (Emile Edouard Charles Antoine Zola, 1840–1902), называя его «гастрономом и знатоком блуда», готовым употребить женщину «по 33 способам, чуть ли не на лезвии ножа».

В конце концов, русская интеллигенция превратила проституток в ещё один источник своего комплекса вины перед народом. Известный в то время литературный критик Александр Воронский (1884–1937) резюмировал:

Образ проститутки как бы впитал в себя, в глазах интеллигента, все несправедливости, все насилия, совершенные в течение веков над человеческой личностью, и стал своего рода святыней.

Один образ Сонечки Мармеладовой чего стоит! Ведь для русского интеллигента, если кто страдает — тот уже полусвятой. Поход к проститутке для него — это не только секс, надо ещё и за жизнь поговорить, утешить непорочную душу бордельной барышни, скрытую за видимой растленностью. Такое представление о куртизанках в большинстве случаев было фантазией. Да, на их долю выпадало много страданий, но этими страданиями они лишь расплачивались за желание красиво жить.

Сексу — нет!

Социально-идеалистический период в истории русской сексуальной культуры сходит на нет в начале XX столетия, в эпоху Серебряного века, наконец обратившего внимание на самую любовную страсть, на наслаждение вне всяких комплексов. Сущность этой трансформации хорошо была выражена Вячеславом Ивановым (1866–1949): «Вся человеческая и мировая деятельность сводится к Эросу. Нет больше ни эстетики, ни этики — обе сводятся к эротике, и всякое дерзновение, рожденное Эросом, — свято».

Но процесс был прерван событиями 1917 года. Революционное правительство запретило публичные дома, а проституток отправляло в Сибирь на поселение. К середине 1930-х годов с ними было покончено. Остались лишь немногие, обслуживавшие советскую элиту и иностранцев (как правило, в разведывательных целях). Но советский народ вовсе и не жалел о закрытии борделей, советская культура отличалась все той же асексуальностью — жалеть было не о чем.

Автор: Павел Котов © Вокруг Света ИСТОРИЯ, РОССИЯ 👁 3281 10.05.2009, 13:50 📌 271

URL: <https://babr24.com/?ADE=77517> Bytes: 20953 / 20112 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Павел Котов.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)